

НАЧНУ с событий недавних. В ноябре 1989 года мне досталась честь стать участником идущего уже несколько лет цикла авторских концертов в самом престижном филармоническом зале Токио «Сантори-холл». Своёобычие этого концерта в том, что каждый, получающий на него право, обязан написать новое сочинение, мировая премьера которого происходит в присутствии автора, а также составить программу, соответствующую заковыристым требованиям. В концерте должно прозвучать одно классическое произведение, оказавшее особенно сильное влияние на «гостя-хозяина» вечера, и одно — современного композитора моложе него, пусть хоть на день-другой, в будущее которого этот самый гость верит. Выбор для меня не представлял трудностей: в первом случае я не колеблясь назвал «Картинки с выставки» Мусоргского, а во втором — сочинение Альфреда Шнитке «Ритуал». И выбрал я именно Шнитке, который моложе меня, правда, всего на пару лет, хотя мог предложить не только соотечественников и знаю немало хороших композиторов в мире. Думаю, уже это — свидетельство, знак моего отношения к нему как к художнику, к будущности его музыки.

Творческая судьба Альфреда Шнитке складывалась нелегко, даже драматично. На долю его выпало немало несправедливости. Помню, сколько сил пришлось приложить, чтобы помочь Геннадию Рождественскому исполнить в Горьком полтора десятка лет назад Первую симфонию Шнитке, вызвавшую бурю восторга слушателей и бурю негодования властей предрежащих. Увы, никакие «гарантийные письма» не убергли сочинение от последовавшего запрета, снятого уже в наши дни... Это лишь один штрих.

Но вот чем меня всегда восхищал Шнитке. В атмосфере бесконечных осуждений, запрещений, препятствий, которые чинились его музыке, равно как и безудержных восхвалений и филемма (по другую сторону), он делал лишь одно — писал музыку. И как бы кто к нему ни относился, его главный аргумент — множество — гора — превосходных сочинений. Захочет сегодня сыграть Шнитке скрипач — есть что сыграть скрипачу; захочет флейтист — немало и для флейты, пианист — пожалуй, органист, виолончелист — тоже; есть симфонии и хоры, концерты, оратории и музыка для хореографического воплощения. Словом, для музыканта любой сферы деятельности есть

Профессионально о профессионале
Лит. журн. — 1990. —
21 февр.

Ритуал Альфреда Шнитке

что сыграть у композитора Шнитке. И, как показали особенно последние годы, это музыка не проходная, а значительная, достойная того, чтобы звучать. В этом смысле я считаю его образцом, примером для всех скулых, просящих внимания и упоминаний, лавров, «поглаживания по головке». Этим он дистанцируется для меня от многих других, от тех, кто желал бы в период новой конъюнктуры быть причисленным к загубленным или не востребуемым талантам застойного времени — наряду с теми, кто действительно страдался.

Каждый слушатель, уверен, найдет в широком развороте его сочинений что-то особенно близкое для себя, созвучное собственным мыслям и вкусам. Я, в частности, чрезвычайно высоко ценю его камерную музыку, такие сочинения, как Скрипичная и Фортепианная сонаты, а также Четвертый скрипичный и Альтовый концерты. Здесь он кажется мне во многом недостижимым. Особенно же хочется назвать Фортепианный квинтет, который представляется мне вообще рубежным егоopusом: для меня именно эта партитура знаменует превращение композитора, движимого исканиями и самосомнениями, в зрелого мастера. Это, конечно, мое личное мнение, но так я слышу его музыку, для меня с Фортепианного квинтета начинается новый отсчет развития художника.

Что мне особенно близко в музыке Альфреда Шнитке? Что, как я думаю, прежде всего располагает к нему все большее число слушателей? Вероятно, самое главное, что для него сочинение — не игра в звуковые комбинации, не повторение, пересказ «своими словами» уже давно знакомого «устава» той или иной музыкальной «религии-системы», а свободное, не скованное про-

крустовыми рамками творчество. Для Шнитке нет запретных приемов: он может воспользоваться, если надо, и самым простым трезвучием (и на таких вот сочетаниях часто строит свои сочинения), и самыми сложными приемами. Он волен не оглядываться ни назад, ни вокруг себя, не стараться вписываться в общепринятую систему (в том числе и модную). А это уже примета истинно большого художника — говорить не только своими словами, но и свое, попросту высказывать пережитое. Шнитке всегда идет поперек тех догм и схем, которые, увы, поломали хребты творческих индивидуальностей многим нашим музыкантам — вне зависимости даже от того, обетшались ли это догмы или самоновейшие.

Еще одно бесценное качество его музыки, особенно сочинений последних лет — высокая температура чувств, позволяющая захватывать внимание аудитории. Но вместе с тем — что очень важно — я всегда ощущаю в его музыке и строгий, ясный путь разума. Все высказанное им выверяется точнейшим и в высшей степени профессиональным расчетом. В нем, можно сказать, соединяются мыслитель и математик, и в этом он тоже достоин традиции лучших наших предшественников, тех, которые «алгеброй поверяли гармонию», как бы прозаично это и ни казалось иным слушателям. Без этого большое и значительное искусство просто не может осуществиться.

На могу не сказать еще вот о чем. Во время выдвижения Альфреда Шнитке на Ленинскую премию Союз композиторов России, в работе которого я тогда участвовал, немедленно присоединился к инициативе московской организации. Но какая-то техническая оплошность или злой умысел помешали тогда назвать и нашу организацию среди выдвинувших (лишь сейчас, в новой публикации, это исправлено). Кажется, кто-то хотел бы между нами внести разлад, развести по разным углам, столкнуть, поссорить. Однако я убежден, что наше взаимное уважение, неоднократно высказывавшееся публично, останется неколебимым, и столкнуть нас никому не удастся.

Говорю об этом столь откровенно, чтобы напомнить: я пою хвалу Шнитке сегодня вовсе не потому, что так модно, что в паруса его сегодня, к счастью, дует попутный ветер (он заслужил и это). Но я так именно думал и говорил всегда и нисколько не меняю вектор своих музыкантских симпатий...

Родион ЩЕДРИН